Мария Метлицкая

Кризис бабского возраста

Часть сборника
Как я изменил свою жизнь к лучшему

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Можно с уверенностью сказать, что все люди делятся на тех, кто любит и ждет книги Марии Метлицкой, и на тех, кто, по досадному недоразумению, о них пока не знает. Мария умеет видеть счастье в мелочах и донести до читателя это удивительное ощущение, которое способно помочь в тяжелый момент, прибавить нам сил и спасти от отчаяния.

- Мария Метлицкая
  - ○

Мария Метлицкая
Кризис бабского возраста

Все было просто ужасно.

Жизнь крошилась, как лежалое песочное печенье, – разваливалась на куски, распадалась на крошки.

Все знают, как это бывает. Куча мудрейших пословиц на тему: пришла беда – отворяй ворота, беда одна не приходит, до кучи, одно к одному. Словом, все навалилось разом, накрыв меня колючим и душным одеялом тоски, уныния и мыслей о несправедливости бытия вообще и моей жизни в частности.

Казалось, что периодические взбрыки и капризы судьбы, именуемые «превратностями», давно закалили, приучили и научили – сопротивляться, противостоять и, наконец, примиряться.

И все же…

Тогда весь этот опыт, все эти горькие знания, вся жалкая мудрость, подобранная на уже довольно долгом жизненном пути, уверенность в том, что все преходяще (да знаем, знаем!) – все это никак не работало.

Ни минуты!

Да и, честно говоря, утешать себя не хотелось. Сопротивляемость жизненным трудностям была вдруг утеряна – как природный иммунитет после тяжелой болезни, что ли.

Бывает и так.

Хотелось одного – закрыть дверь, лечь на кровать, не включая света, и… послать все к черту. У меня на себя сил не осталось.

А тут еще вы!

Не первый, конечно, кризис, но точно – самый тяжелый.

Теперь по порядку: про «все и сразу». Из потерь сердечных – единственный сын покинул отчий дом.

Нет, все нормально. Я же не идиотка. Надо бы радоваться – вырвался из цепких объятий сумасшедшей материнской любви, хватило сил. Вырвался, снял квартиру и зажил своей жизнью. Радуйся, что при всей твоей гиперопеке, при раздутых до невообразимых размеров материнских кошмарах и страхах (время такое) неожиданно для тебя самой вырос мужик. Аккуратно и почти нежно развел твои цепкие руки и упорхнул в свою жизнь.

Это нормально.

Значит, у тебя получилось не сделать урода, плюшевую игрушку из любимого и единственного мальчика.

А радоваться не получалось. То есть головой – да, конечно. А вот на сердце… Печаль.

Еще долго я пыталась въехать в его жизнь на тяжелой технике – сумки, банки, контейнеры. Грязное белье и чистое.

Поставил на место – вежливо, но не без раздражения: «Мама, не надо! Я попробую сам». Хорошо, что сообразительная – поняла. Правда, долго ревела: «Я! Ему! Совсем не нужна!»

Рисовалась немножко – чтобы муж пожалел.

Потом привыкла.

Пунктом вторым был отъезд любимой подруги – тоже из области сердечных ран. Конечно же, все разговоры сводились тогда к одному – время, слава те господи, другое! Уезжаем не навсегда, границы открыты, бери билет и через восемь часов ты у меня. Ну, или я у тебя. Да, еще телефон, Интернет и вообще…

Вообще… Да бред, конечно.

Раньше ты была на расстоянии трех километров. На расстоянии телефонной трубки без кода и карточки – только протяни руку. А сейчас – сейчас у меня ночь, а у тебя утро! Раньше я звонила тебе по вечерам, когда всех разметаешь по своим углам, и – вот, вот…

– Ну, родная! Поехали?

А сейчас…

Сейчас я буду смотреть на часы, высчитывать время в твоем дурацком Нью-Йорке и думать: могу ли позвонить? У тебя же ассимиляция. И столько проблем.

И постесняюсь, наверное, тебя грузить.

И на билет нужны деньги, а до этого – нужна виза, а дают ее твои новые соотечественники совсем неохотно.

Раньше я звонила тебе и говорила: а пойдем туда? Ну, или – туда? Посидим, выпьем кофе. Потом пройдемся по центру – по нашему центру, его немножко осталось. По Кировской, от Главпочтамта до «Дома фарфора». Или – от «Маяковки» до «Белорусской».

А после этого отпускало. Сразу!

После наших с тобой «шатаний». После наших посиделок в кафе.

Еще я могла сказать тебе: «Отдай мне что-нибудь. Например, дубленку. Она же тебе надоела. Ну, или серый свитер. Он тебе не идет». Ты возражала, но тут же включалась: «А твой синий плащ? Он тебе мал». Теперь возражала я. Потом, разумеется, договаривались. Получалось – обе в обновках.

Да при чем здесь обновки! Сейчас тебя нет рядом! И когда я к тебе доберусь…

Итак. Сын улетел из гнезда. Подруга уехала.

И я вдруг почувствовала такое сиротство! Не одиночество даже – именно сиротство. А это куда более постоянное ощущение, оно не проходит. К тому же я осознала, что, в сущности, я никто.

В смысле – невелика потеря для общества.

Не то чтобы за «обчество» я сильно переживала, нет. Переживала я за себя. Поясняю: по первой профессии, медицинской, я давно не работала. И работать не хотела. А ничего другого и не было. Сидела дома, растила сына. Да, конечно, образование – в школу приходилось возить, потому что возле дома хороших школ не было. Каждую неделю – театры, музеи. Мальчик получился умненький, образованный. Инвестиции в ребенка – да, это главное!

А вот мое сидение дома… Ну, все понятно.

Я образцовая домохозяйка. Профессиональная жена. Это тоже профессия! Так я всем объясняла. Всем и больше всего – себе. Все убрано, все разложено, все приготовлено и все на местах.

А дальше? Да и теперь, когда мы остались с мужем вдвоем, быт упростился, и времени оставалось навалом. Мой крутеж по дому, танцы у плиты, с пылесосом, с тряпками и поварешками – пшик, пустота.

Я никто.

И еще – никому не нужна.

Слезы! И – занавес!

Да нет, конечно, нужна. Я все понимала. И мужу, и маме, и сыну. Не нужна только себе. Так у меня получалось.

В общем, «жизнь прожита зря, я неумолимо старею, ах, ах…».

Меня все это достало – ох как достало! А вырваться из этой тюрьмы не могу. Меня словно приговорили. К этим кастрюлям и швабрам. Я очень несчастная женщина. Вы понимаете? Очень! Нет, правда.

Сын убежал, подруга уехала, муж на работе.

А вот отсюда поподробней. Накаркала.

Муж потерял работу. Точнее, бизнес. И в один день мы остались ни с чем. А если точнее, с долгами. С огромными, надо сказать, долгами. Все помнят те годы – лихие, как их называют. Они и вправду лихие – для всех, без разбору. Все выживали. Правда, мы всегда выживаем. В любое время. Это для нас не экстрим, а скорее норма. Но бывает – и мы устаем.

Ну и на фоне всего я заболела.

Тоска не уморит, а с ног собьет. Пословица.

А сопротивляться всей этой фигне не было сил. Вообще не

было.

И я заболела. Чем? Да никто не мог понять. Светила разводили руками – анализы приличные, обследования – вполне. Бесконечные визиты к врачам – пробовать различные новейшие техники, просвечиваться, залезать в трубу, дышать, не дышать, рассказывать.

Словом – «колоться». Про все свои беды. Вот это было самое сложное. Повторять снова и снова, что жизнь, в сущности…

Пропала жизнь. Такие дела. Ну и т. д.

Когда я начала писать? Для чего? Да вот тогда и начала. А для чего – да чтобы вырваться из этого мрака. Из тоски пусть мнимого, но одиночества, из безысходности. Из-под руин надо же было выбираться. Пока не завалило окончательно, пока не задохнулась.

Дороги, собственно, было две: одна – на свет божий, наружу, из-под обломков, отряхиваясь и постанывая. Вторая – на кладбище. Что выбирать? На кладбище проще. Ближе. Вернее – путь покороче. Короче и проще. Просто сиди и жди. Все. Путь первый был тернист. Медицина не помогала. Ну, или помогала слегка. Умница-врач так и сказал:

– Теперь вы сами. Без вас мы, пардон, никуда!

– Ладно, попробуем, – наконец согласилась я. – Но уж если не выйдет – не обессудьте.

Он кивнул:

– Лично я в вас верю.

– А лично я в себя – нет! – очень радостно объявила я.

Потом я его пожалела. Но тогда мне было жалко только себя. Честно.

Почти никто не знал, что со мной происходит, – только самые близкие: муж, мама, сестра, подруги.

От сына скрывала – зачем это ребенку?

В то время я бралась за многое. Вернее, пыталась браться. Почти все надоедало сразу и бесповоротно.

Цветы на участке? Честно – пыталась. Нет, не мое. Хреновый из меня цветовод. И огородник тоже хреновый.

К тому же – больная спина…

Наконец зацепило.

Тарелки. Я стала расписывать тарелки. Огромная радость, поверьте! Покупались копеечные, икеевские. Белые и тяжелые. А уж на них…

На них я отрывалась! Подсолнухи с желтыми «лицами», домики с черепичными крышами и кошками на подоконниках, фиалки в горшках. Почти счастье. На некоторое время отпустило.

Потом надоело. Все стены – у мамы, у сестры, у подруг – были в моих фиалках и кошках.

Ну сколько можно?!

Тарелки были, а вот денег не было совсем. Вспоминаю, как ходили по магазину с калькулятором и плюсовали цены – хватит ли расплатиться на кассе?

Вечный стресс.

Сапоги с тройными набойками, сумка с неприличными вытертостями, закрашенными фломастером. Нищета, не способствующая радостному настроению. Она вообще ничему не способствует. Не верьте, что она может сподвигнуть. Она только глубже и настырнее тянет вас в яму отчаяния и безразличия: я ничего не могу, нет для меня никаких женских радостей – ни магазинов, ни кафе, ни пляжа и моря…

Тогда – зачем? Карабканье это жалкое, эти потуги?

Все это – плюсики к моему состоянию. Все!

Сковородка с ободранным дном. Салатник с отбитым краем. Старые туфли. Плохая стрижка. Дешевая тушь. Шторы с дыркой. Выгоревшие обои.

Имя всему – Безысходность.

Именно так – с заглавной буквы.

Отсюда и настроение, правда. Не в бедности дело, а в унижении. Голодными не были ни разу, нет. А вот позволить себе ничего не могли.

Хотя…

Расставь приоритеты, милая! Ты ж не совсем дура. Стыдно все это на фоне страданий, катастроф, неизлечимых болезней, потери близких людей.

Стыдно.

Но это же моя жизнь!

И мне в ней больно, грустно, обидно. Пустынно. Я ведь… не худшая, правда? Тогда – почему? И вечный вопрос: кто виноват?

И вечный ответ: конечно же, я!

А уже хорошо за сорок. Большая, так сказать, часть жизни. Что я успела? Где отметилась? В чем отличилась?

Да, есть семья. Слава богу. Есть любовь – тебе снова мало? Нахалка. Есть сын – прекрасный, надо сказать, человек. Есть подруги. И какие подруги! Завидно самой себе. Опять мало? Нет, ты не нахалка. Ты хуже! Ты просто хамка. Вот кто ты. У других – и половины того, что есть у тебя, нет. А радуются ведь! Улыбаются!

Стыдно? Я – слабая? Я – бесстыжая? Я – неблагодарная?

Устыдилась?..

Да нет. Вот отчего-то не стыдно.

И даже стыдно, что отчего-то не стыдно! Просто… я

сломалась на малом. Или все это совсем не малое? Я ведь сама это выбрала. Домохозяйство, например. Отказалась от своей прекрасной специальности, несущей надежду и реальную помощь.

Я сама выбрала этот путь. Так чем же я недовольна?

Тем, что во мне сейчас не очень нуждаются? Я же привыкла. Привыкла к тому, что я всем нужна.

А сейчас я – на обочине.

Мои неработающие подруги испытывали примерно то же, что и я.

А ведь вначале так радовались!

Мужья «посадили» нас дома – ведите хозяйство, растите детей. Встречайте кормильцев с улыбкой. Вначале была радость: мы – дома! Нам не надо рано вставать, с полузакрытыми глазами спасать подгоревшую яичницу и оправдываться перед родными. Тащить ревущего и сонного ребенка в сад или в школу. Болтаться в переполненном транспорте, отворачиваясь от пейзажа за окном – серая муть, дождь, лужи, сугробы по пояс, только бы не упасть, не сломать ногу или, не дай бог, башку, чтоб этих дворников…

Ранняя весна, и снова грязь – лужи, талый и черный снег, ветер в лицо – где моя прическа? Дальше – жара, в транспорте, простите, – воняет, на работе нечем дышать, и я всех опять ненавижу! Прибавьте к этому магазины, сумки, оттягивающие руки, скорее в детский сад: боже мой, он там, наверное, остался один из всей группы!

Ребенок смотрит на тебя так… что хочется реветь. А тут еще воспитательница со своими жалобами и наставлениями. Тащишь детеныша домой, и снова хочется реветь – от жалости к себе и к нему.

Дома – разобрать сумки, приготовить ужин, выкупать ребенка, почитать на ночь. Запустить стиралку, разморозить что-нибудь на завтра – как все надоело! – погладить мужу рубашку и юбку себе – все ненавижу, все. А после всей этой гадости – улыбнуться мужу и выслушать его.

Да! Еще вымыть пол и посуду. А назавтра – тот же сценарий.

И это в лучшем случае.

Все. Я устала.

А у меня все не так.

Я сплю по утрам. Завтрак мужу приготовлен заранее – обязанностями я не манкирую, нет. Потом пью кофе, кормлю ребенка, отправляю его в сад или в школу, болтаю по телефону и не спеша – не спеша! – подчеркиваю, – принимаюсь за домашние дела.

Днем я могу поваляться с книжкой, и к вечерней улыбке я

вполне готова. Поди плохо, да?

Но вот ребенок выучился и даже окончил институт. Ушел в свою жизнь. Муж… пытается заработать. А ты – ты по-прежнему дома. Валяйся, высыпайся, читай, болтай по телефону. Не спеши! Занимайся собой, в конце концов. Бассейн, аэробика, выставки, посиделки в кафе с подружками. Наконец, магазины.

И опять пресловутое «но» – на все это необходимы деньги. На все удовольствия. Ну, чтоб не так сильно грустить. Без них никак. И не потому, что я такая корыстная. Такая меркантильная. Нет. Это закон жизни. А я не из тех, кто – счастливый! – умеет радоваться просто так, безо всяких «подпиток» в виде приятного «женского».

И к сорока годам мои подруги засобирались на работу. Одна пошла преподавать в школу. И при всей ее любви к детям… через полгода стала их ненавидеть. Другая – юрист – тоже было собралась. Но тут вышла неувязочка – дочь поспешила родить ей внучку. Подруга «пошла в бабушки».

Моя американская подруга негодовала: как вы так можете?!

В смысле – не работать. Это же неприлично, в конце концов! И дело не в деньгах – хотя помощь семье не возбраняется. Здесь даже богатые заняты делом. Идут, например, в благотворительность. В приюты – кошачьи, собачьи. Кормят нищих. Помогают престарелым и одиноким. А вы там… Живете тупо и бесполезно!

На благотворительность, как известно, тоже нужны средства, и средства немалые. И еще – здоровье.

Ни того ни другого тогда не было.

Да и самой благотворительности, кстати, тоже тогда у нас не было. В смысле – в стране.

Но мы с подругами нашли две семьи, где одинокие матери воспитывали не очень здоровых детей. Стали их опекать – по возможности. Возможности были слабенькие, однако все равно это было для них подспорье. Собирали по знакомым вещи, американская подруга тоже прислала целый мешок одежды и игрушек. Помогали продуктами, привозили подарки на праздники. Собирали какие-то деньги. Все на уровне самодеятельности, но помощь все-таки была реальной и искренней, от души. Это меня немножко вытягивало и прибавляло жизненных сил. Хотя и отнимало тоже – как любое дело, в которое вкладываешь душу и за которое переживаешь.

Но даже это благое дело не умалило моей тоски и неприкаянности. Душа томилась дальше и глубже.

Вот что человеку нужно?!

Про «полное счастье» не говорим, все мы большие, взрослые, умные – и так все понятно.

Что нужно, чтобы просто существовать в ладу с собой? Не томиться, не тосковать, что проживаешь пустяшную и ненужную жизнь? Что нужно, чтобы поверить в себя, открыть, простите за пафос, новые горизонты, пуститься, наконец, в авантюру – рискнуть, попробовать, ошибиться и снова рискнуть и попробовать, не испугавшись?

В те годы я мечтала только об одном – о душевном равновесии. О душевном комфорте. Чтобы мне просто было хорошо и спокойно. Разве это преступление? Что-то из области невозможного и нереального? Фантастического?

Я разглядывала добившихся успеха, довольных собою женщин. Они были прекрасны. У них горели глаза. Они были уверены в себе, значительны в глазах окружающих. Они чувствовали вкус к жизни!

А у меня, похоже, атрофировались рецепторы радости и удовольствий.

В медицине, которую я окончательно забросила, есть такой термин – аносмия. Потеря чувствительности к запахам. И еще авгезия – потеря восприятия вкуса. Я и потеряла. Ну, если честно – почти.

Я проживала жизнь, а не жила. Я тащила ее за собой, как Сизиф тащил свой тяжелый, никому не нужный камень.

Ежедневный «день сурка» вытягивал из меня последние силы.

Хорошо было только вечером – этот день я уже прожила. Впереди – целая ночь. Когда не надо будет задумываться, как дотянуть до вечера. Вот оно, мое счастье!

Здорово, да? Жизнь девальвировалась. Свои «задания» я исполняла как робот – здесь работали мои прирожденные ответственность и обязательность.

Чувство долга, только и всего. На нем я и держалась.

От всех этих «радостей» снова и уже окончательно посыпалось здоровье – так шустро, словно долго дожидалось своего часа. Я снова не успевала координировать записи к врачам. Врачи сначала предполагали ужасные диагнозы, потом не находили им подтверждения и опять разводили руками.

Пройдя все круги, я поняла, что помочь себе смогу только я.

Я сама.

Пришло время разобраться с собой.

Я перечитала свой текст. Только что.

И поняла – не убеждает.

Я получилась истеричной и капризной особой. Из тех, кто

бесится с жиру.

А это, поверьте, не так. Я никогда не была ни истеричкой, ни плаксой. Я всегда была бойцом и борцом.

Я не хотела об этом писать. Потому что…

До сих пор – больно.

Но рассказ этот автобиографический. Значит, надо быть честной.

Я напишу об этом коротко, ладно?

Ох…

В тот год было еще одно испытание. Моральное и душевное.

Не получилось то, о чем мы с мужем сильно-сильно мечтали. И очень шаткий стул, на котором я, образно говоря, кое-как, но сидела, окончательно рухнул – подкосились ножки, и все.

Я полетела. Упала. Разбилась. И встать, подняться – уже не могу.

Кое-как «доковыляла» до лета.

И наконец – дача! Я так любила ее…

Пусть мой сад скромен и беден, но у меня на участке растут огромные елки, а прямо за забором зеленеет малахитовый лес. На заборе пристроились две бесстрашные сойки – переливчатые, перламутровые, коричнево-синие.

По веткам яблони пробежала пегая шустрая белка. Под крыльцом ворчит огромный, как футбольный мяч, напыщенный еж. Поют птицы, и расцветает сирень…

Я одна, и мне хорошо!

Я долго сижу в саду, иногда закрывая глаза, слушая звуки леса и поскуливание электропилы на соседнем участке.

Как я люблю природу! Я – человек леса и средней полосы. Но это не отменяет мою любовь к морю и восторг перед величием гор…

Мне стало спокойно. Впервые за долгое время.

Я поняла, что хочу жить!

И это открытие меня ошеломило. Я прислушивалась к себе – недоверчиво и пугливо.

Я боялась спугнуть эти мысли. Очень боялась.

Наверное, именно в этот день я взяла лист бумаги и ручку. Точно не помню. Да и какая разница?

Ведь это случилось.

И я начала оживать. Просыпаться. Жить.

Помню то утро, которое впервые было хорошим.

Это было огромное счастье – проснуться и не бояться прожить новый день!

Я вышла на веранду и села пить кофе. Солнце деликатно просвечивало сквозь темное кружево листвы. Разумеется, меня подбадривали и поддерживали, призывая разделить всеобщую радость, отчаянные птичьи пересвисты и переливы. Звуки природы – тактичные, ненавязчивые, успокаивающие. Целительные…

Потом я разложила листы А4 и – начала писать.

Мне было все равно, что из всего этого получится. Произойдет что-нибудь или нет. А уж про все остальное я просто не думала – да и помыслить не могла. Нахальства, наверное, не хватало.

Я не имела далеко идущих планов. Я не имела планов вообще! Я просто писала, изливая на бумагу свои мысли, печали и радости. Просто прописывала жизнь своих неожиданных героев. Говорила с ними, спорила, не соглашалась. Жалела их, презирала и снова жалела. Они были для меня такими явственными, такими живыми, такими знакомыми, словно я знала их сто лет – со всеми их слабостями, несуразностями, ошибками и неудачами. Я злилась на них, огорчалась вместе с ними, радовалась их прозрению и удачам. Я разговаривала с ними, словно они были живыми.

А они и были живыми! Честное слово!

Я проживала их жизни и забывала о своей.

Я переживала их падения, горести и неудачи, и мои собственные падения, горести и страдания чуть меркли и переставали казаться такими значительными, таким объемными.

Такими нерешаемыми.

Они меня спасали, мои придуманные герои. Они вытаскивали меня из моего сырого и глубокого колодца. Из темного подвала, куда я проваливалась все глубже и глубже. Справляясь со всеми проблемами, ну, или почти со всеми, они давали надежду, что справлюсь и я.

Или – почти справлюсь.

Такие дела…

Теперь я не могла дождаться ненавистного прежде утра, чтобы снова встретиться с ними и начать с ними же разбираться.

Муж позвонил по мобильному и не понял, в чем дело. Я говорила бодро, торопливо и… весело.

Он давно не слышал меня такой.

– Хорошо звучишь, – осторожно заметил он.

Он пока ничего не понял.

В пятницу ему полагалось приехать. Я слегка расстроилась – и это при том, что скучали мы друг по другу ужасно.

Накануне его приезда я приготовила ужин – торопясь, чуть

небрежно. Не так, как всегда.

Я не вышла на дорогу его встречать – я торопливо что-то записывала.

Когда он подъехал, я, тяжело вздыхая, сложила свои листочки и нехотя поднялась ему навстречу.

Он разглядывал меня с интересом, все еще не понимая, в чем дело.

А я, грешная, думала про воскресный вечер, когда наконец останусь одна!

На следующие выходные я решилась прочесть ему свои неумелые опусы.

А он… заплакал.

И тут я совсем растерялась.

Отчего он заплакал? От счастья, что я увлеклась? Отвлеклась и не смотрю в одну точку? Или его что-то тронуло в моих рассказах? А может, все вместе, одно к другому?

Наверное, так.

А лето мое продолжалось. И впереди был еще почти целый июнь, и абсолютно целые, совсем без купюр, июль и август.

Меня больше не волновала погода – за окном дождь, и это еще лучше! Как уютно сидеть на веранде, слышать, как дождь барабанит по крыше и «плачет» по окнам.

А после него все еще прекрасней – солнце переливается в мокрой траве и такие запахи, что кружится голова!

Я писала все лето.

Я по-прежнему плохо спала, но это была другая бессонница – теперь я продумывала сюжеты.

Я вставала легко и рано. Распахивала входную дверь и шумно вдыхала прохладный утренний воздух.

Муж поставлял бесконечные ручки и толстые пачки листов А4. Помню, что назывались эти наборы «Снежинка».

Да! Еще были скрепочки – черненькие «крокодильчики», скреплявшие листы с готовыми рассказами.

К концу августа, который был прохладен и очень дождлив, в коричневой папке лежало, по-моему, девять рассказов.

И еще – надо было собираться в Москву. Дача была летней, печку я топить почему-то боялась, в доме было неуютно и сыро, и муж торопил меня в город. Он тосковал без меня, и мне было неловко за радость моего уединения.

Я вернулась домой и писать перестала.

Почему? Да не знаю. Честно – не знаю.

Однажды муж осторожно спросил:

– А что будем делать? Ну, со всем этим?

Я пожала плечами:

– Да что тут делать? Пописала, написала, справилась со своим отчаяньем. И все. Спасибо! Всем спасибо, все свободны. Точка.

– Жаль, – сказал муж. – Мне все понравилось. Хотя критик я, разумеется, никакой. Да и человек совсем необъективный, но все же. Трогает, знаешь… Цепляет.

– Все оттого, что я – твоя жена, – отрезала я. – И потом у меня нет амбиций и заблуждений. Никакого честолюбия и тщеславия. Психотерапия – и все! Поставили точку. Я не графоман – категорически нет. Было по кайфу – писала. Дело сделано, тема закрыта. Да мало ли кто сейчас пишет? Мало ли у кого полно свободного времени? Все это, знаешь ли, игрушки и погремушки.

А он настаивал: надо, обязательно надо кому-нибудь это показать!

Как и кому? Смешно, ей-богу!

Отослать это в издательства? Ну, допустим. Представила – сколько чокнутых шлет свои опусы ежедневно по мейлу и почте. Тонны, наверное. Надеяться, что когда-нибудь, может быть, это прочтут? Заглядывать в почтовый ящик и теребить сына – проверь свою почту?

Своей личной почты у меня тогда и не было.

Не хочу! Почему? Да не важно.

Я же уже говорила – нет у меня амбиций и с честолюбием плохо. Да и потом – куда сейчас, в наше время, без денег? Я не жена олигарха, который радостно обклеил вагоны метро рекламой книженции про нелегкую жизнь богатых своей длинноногой жены-модели. У меня, как говорится, не та ситуация. Муж бьется-колотится, чтобы мы как-то кормились. Сын живет своей жизнью. Время такое – увы! Деньги решают все. Я же не дура – все понимаю.

Искать знакомых? Бред.

Во-первых, в издательской сфере знакомые отсутствуют. Во-вторых, даже если б они и были? По знакомству такие номера не проходят. Блат тут не работает. Это же ясно, как белый день.

В общем, сидим и не рыпаемся. Планов не строим и остаемся по-прежнему реалистами.

Нет, врать не буду – телодвижения были.

Например, мы показали мои рассказы одной молодой даме, работающей в издательстве учебной литературы. Она прочитала и сказала, что мило и вполне, что это имеет право на жизнь. Скорее

всего, надо начать с журналов – предложить туда. А там уж – ну, кто знает, что там, за горизонтом? Как в песне – там, там-тарам, там-тарам…

В сентябре на ВДНХ проходят ежегодные книжные ярмарки.

Как я узнала об этом? Случайно.

При всей моей горячей любви к книгоизданию и книгочтению на этом мероприятии я не бывала, признаюсь. Довольствовалась книжными магазинами.

Итак, сентябрь. Муж занят, выручает мама: поеду, говорит, с тобой – для поддержания, так сказать, морального духа.

Огромный павильон, стенды различных издательств. Я уже выучила тех, кто занимается беллетристикой. Сообразила. Их совсем немного, этих издательств. Парочка совсем серьезных, еще парочка попроще. На сцене выступают писатели. Известные, узнаваемые. Понимаю, что выступать ТАМ почетно. Я же – как бедная родственница: в захудалой куртешке, с мамой-подпоркой, с мамой-костылем пытаюсь кому-либо всучить свою дискету с тремя рассказами, набранными дочкой подруги. Какие-то люди вяло спрашивают, дескать, что у меня там, на дискете.

Рассказы? Зевок. Нет, не нужны. Снова зевок – пошире.

Более любезные объясняют, что рассказы – жанр умирающий, никому не нужный, вот если бы детектив или, на крайний случай, роман…

Вежливо дают понять, что я свободна.

Практически навсегда.

Надежд никто не дает.

Я бормочу что-то про Чехова, Куприна, Бунина. Токареву, Довлатова, наконец. При этом жарко оправдываюсь, что с ними, с великими, не сравниваю себя – ни-ни! Даже подумать страшно!

Одно понимаю – им неинтересно. Кто-то дискету берет, и я понимаю, что она останется там, на ВДНХ, навсегда. До компа редактора не доедет.

Но – что делать! Надежд-то особых и не было.

Я не верю в случайности, в счастливую судьбу, во всякие там чудеса. Повторяю, я реалист. Пошла туда под напором родных, после всех разговоров про «лежачий камень».

Ну, съездила. Побродила. Поглазела на знаменитых. Поняла, что коллегой их точно не буду. Купила какие-то книжки – уже радость. Прошвырнулись с мамочкой, потусовались. Погода прекрасная, времени свободного – море. Вышли из павильона, прошлись по выставке, посидели в кафе под полосатым тентом, что-то съели, чем-то запили. И – восвояси.

Господи! Могла ли я подумать тогда, что совсем скоро, всего-то через каких-нибудь пару лет, я буду – нет, невозможно

представить, о чем вы! – выступать на стенде самого – самого – большого и лучшего издательства страны!

В качестве, разумеется, автора.

Нет, правда! Ни о чем таком я не думала. Совсем.

Не думала, что позвонят. Что рассказы возьмут. Да еще и напечатают. И вообще я об этом довольно скоро забыла, честно.

И тут – звонок!

Я – в тяжелом бронхите, за окном поздняя осень, и все противно – и погода, и самочувствие. И дела семейные по-прежнему – ни с места. Никаких улучшений. Никаких надежд на хорошее. Никаких! По подруге скучаю, денег поехать к ней нет. У мужа с работой не складывается – все обещают, но, как обычно, ничего не происходит. Сын приезжает, конечно. Но у него своя жизнь. Захожу в его комнату, сажусь на диван и – реву.

Да, отвлеклась!

Так вот, про звонок.

Женщина представляется – имя, фамилия, должность. Я сильно кашляю, извиняюсь и переспрашиваю: «Кто-кто? Редактор? Из издательства?»

Она очень терпеливо и очень вежливо подтверждает.

А после говорит, что рассказы мои они готовы взять.

Ну ничего себе?!

Да-да. Готовы. Только вопрос – а еще у вас есть? Ну, в смысле – еще материал? На дискете-то всего несколько штук. А дальше? Для книги маловато, не хватает объема.

Для чего?! Для книги?..

Нет, у меня что-то со слухом. Не иначе – осложнение после бронхита. Такое бывает, ну, когда плохо со слухом.

Я снова давлюсь приступом кашля и, представьте, к тому же разражаюсь бурными слезами – от радости, конечно. От неожиданности.

От счастья!

Редактор тяжело вздыхает. Хотя ей, наверное, не привыкать. Авторы, они же такие…

Ранимые. Нежные такие. Впечатлительные.

Наконец я выдавливаю, что да, рассказы еще есть, но… Написаны от руки, так как компьютером я пользоваться не умею, ни к чему мне все это, домохозяйке. Я ж в писатели не собиралась…

– Ничего, – говорит редактор, – давайте рукописи. Куда ж деваться.

Я бормочу, что почерк у меня кошмарный, медицинский. Что там все правлено-переправлено. Зачеркнуто-перечеркнуто. Короче, кошмар. Такой, что неловко… Может, переписать?

Начисто?

В общем, морочу ей голову, обалдевая от еще не до конца осознанного счастья.

И муж отвозит мои каракули этой прекрасной женщине.

Спустя пару месяцев, в первый же день, когда моя первая книжка вышла, мы рванули, разумеется, в книжный.

Это был МДК на Арбате. Помню прекрасно. Книжку мою отыскали с трудом. Затерялась, родная, на книжных полках. Стоит незаметная, робкая. Неприметная.

Ну, я и купила штук десять. Гордиться так уж гордиться! И так же гордо вышла на улицу.

Я – автор!

В машине я стала рассматривать ее так, как, наверное, геммолог рассматривает в сверхсильный микроскоп ценнейший алмаз. Что-то пытается увидеть, углядеть, распознать…

Я трогала ее, гладила обложку, переворачивала страницы – так и сяк. Убирала в сумку и через пять минут доставала. И снова разглядывала и гладила.

Муж косился на меня и молчал. Понимал, видимо, у меня – процесс. Процесс осознания, что вышла моя книга.

Ночью я не спала. От счастья.

В том издательстве вышли две мои первые книги.

Но…

Прошло это как-то… Никак.

По многим причинам.

И я подумала: амбиции мои, которых, собственно, и не было, вполне удовлетворены. Амбиции родни – тем более. Семья мною гордится. Всем знакомым подарено по экземпляру. Естественно, витиевато надписанному.

Кое-что я в жизни сделала: чуть-чуть, например, побыла писателем.

Громко, конечно, сказано, но… Все же приятно.

А дальше…

Дальше мне писать как-то вдруг расхотелось. Почему? Да потому, что не было мотивации. Вот почему.

Потому что книги мои продавались плохо. Денег это не приносило совсем. Учиться писать на компьютере мне не хотелось. И вообще – потешила самолюбие, и ладно. Хорош.

И я пошла работать.

Работа была интересная – подруга открыла антикварную лавочку и предложила мне быть там – внимание! – товароведом.

Ничего себе повороты судьбы, а?

Я растерялась – ну, какой из меня, медички и чуть-чуть

писателя, товаровед?

Смешно.

Подруга, девушка решительная, сказала: фигня! Есть Интернет, я подскажу, интересно обалденно, ты справишься. Не боги ведь горшки обжигают, правда?

И все оказалось правдой.

Я научилась распознавать клейма на посуде и пробы на украшениях. Год, завод или фабрику, страну и прочее.

Это было невероятно интересно!

Особенно возиться с фарфором или фаянсом или с ювелиркой. Я читала статьи, шерстила Википедию.

Я полюбила китайскую технику перегородчатой эмали. Совсем недорогое варшавское столовое серебро. Эпоху арт-нуво и арт-деко. Югендстиль. Бронзу отличала от сплава. Натуральные камни от искусственных. Немцев от итальянцев. Французов от поляков.

Конечно, я понимала не все и далеко не во всем. Тогда подключалась подруга.

Словом, справлялись. Да и поток был совсем небольшой – не огурцы ведь на рынок несли, а раритетные вещицы.

Два года я просидела в этой милой лавчонке в полуподвале, разглядывая в лупу принесенные штучки.

Два года счастья и предвкушения, что вот сегодня нам принесут что-нибудь такое… Такое! Ну, все понятно. Необыкновенное, вот какое!

Кое-что покупала себе – недорогое. Например, у меня до сих пор «живут» прекрасные вазочки, какие-то фарфоровые фигурки, тоже дешевые, без эмблем. Украшения из серебра. То, что я могла тогда себе позволить. Живут и радуют душу.

Лето-2010. Жуткое лето. Смог и жара.

Да это бы ладно!

Но тяжело заболела мама. Первый инсульт. Мы с ней поселились на даче – хоть какое-то спасение от этого ужаса. Мама почти не ходила (перед этим были реанимация и больница – почти два месяца). Она не ходит, но она жива!

Я рядом с ней, естественно. Пытаемся вылезти из этого ада. Она очень старается, но…

Все равно тяжело. Очень.

И снова звонок. От того самого редактора. Мы давно не «слышались», больше двух лет.

И она мне предлагает…

Того, первого, издательства, уже нет – в бозе почило. Работает она теперь в другом, самом большом и самом

известном. Самом крутом. Так вот: они меня хотят издавать. И они предлагают выпустить мою серию, авторскую. И для этого надо немного – всего-то написать книгу.

Новую. К августу.

А на дворе июнь.

И больная мама. И жара. И ужасная вонь от пожаров. И компьютера нет. А если бы и был – работать на нем я не умею. Не сподобилась.

Такие дела…

Мне предлагают подумать – ну, скажем, три дня.

Я что-то торопливо бормочу про жару, маму и все прочее. Редактор не настаивает – просто предлагает: если сможете, Маша. Если получится.

Предлагает то, от чего нельзя отказаться!

Потому что такие предложения поступают всего один раз. И называются они ни много ни мало – шанс. Все. Конец.

Не успею, думаю я. Да ни за что не успею! Это нереально, учитывая семейные дела и проблемы…

Даже и браться не стоит – зачем время терять и морочить голову серьезным людям. Голова забита совсем другим – врачи, лечебная гимнастика, массажисты, реабилитологи и снова врачи. Мир замкнулся на этом, и это было единственно важным.

А все остальное – ерунда, и значит, опять не судьба.

Но я вступила с судьбой в противоборство. В схватку, в борьбу. Осмелилась, понимая, что сил у меня совсем немного, а у нее – да навалом у нее сил! Как она испытывает меня! Глумится, хихикая, издевается. Пробует меня на зубок…

А знаешь-ка, милая! А я попробую. Устрою себе и тебе армрестлинг.

Ну – кто кого! Согласна?

Тогда – поехали!

Помню – жара везде. Укрыться негде.

В доме жара, а на улице еще хуже. Мотаюсь из дома на террасу – плохо и там, и там. С утра, естественно, все приготовлено, прибрано, сделаны процедуры, гимнастика и все остальное.

Мама уснула.

И я пишу. До обеда.

Потом кормлю всех – приехали муж и племянник. Уборка, посуда и снова пишу…

Ну, и так далее, со всеми остановками на родных и близких.

И я ее написала! Важно было то, что я это сделала. Мое личное ощущение – я смогла! Не проиграла ей, жестокосердной и

насмешливой. Не струсила.

Книгу я отдала в срок, день в день.

И тогда поняла – теперь у меня наступает совсем другая жизнь.

У меня есть работа. Дело. Мое.

Что изменилось в моей жизни? Да все. Моя жизнь организовалась. Она стала планироваться. В ней появились четкость, занятость, которые исключали и хандру, и расслабуху.

Хочешь не хочешь, а надо! Подвести людей, поверивших в меня, я не могу.

Я не могу не сдать вовремя книгу, потому что совсем потеряю покой. Мне же лучше сдать ее в срок!

Признаюсь, сначала был жуткий страх. Страх, посещающий всех без исключения авторов. Знаю, опрашивала.

Страх, что не будет сюжетов. Просто иссякнут – и все! Нечего будет писать.

Со временем он прошел. Теперь думаю: успеть бы написать все то, что задумала!

Потом был страх, что не успею сдать рукопись к сроку.

Всегда успевала, спасибо родителям за переданные по наследству организованность и обязательность.

Не заслуга – черта характера.

А когда терзают фобии и сомнения, наслаждение исключается. Абсолютно! Но первый этап – это надо, это обязательство, надо – хочешь не хочешь – просто сесть за стол и открыть комп, – прошел.

Да, кстати: работать на компьютере я научилась. Просто поняла, что без этого – никак. Да еще и замучила совесть – как они там, бедные, читают мои каракули. Кошмар!

Итак, техника – а с ней я всегда была на «вы» – освоена.

Хотя писала я первое время так медленно и мучительно, что сосредоточиться на самом тексте было сложно. Но, опять же – не боги горшки обжигают!

Освоила.

А вот что произошло дальше…

А дальше произошло то, что я стала ждать! Томиться ожиданием: когда же, когда я «упаду» в свой текст и, потирая руки, начну…

Это стало необходимым, без этого я просто не мыслила жизни.

Это помогало уйти от реальности – ну хотя бы на несколько часов.

Разбираться в перипетиях судеб, расставлять человеческие фигурки – как гроссмейстер на шахматной доске. Управлять ими,

направлять их. Решать вместе с ними их неразрешимые, казалось бы, проблемы. Выводить на «ясный свет», осчастливливать, восстанавливать справедливость (хотя бы в тексте, пусть не в жизни, пусть).

Я играла в эту увлекательную, витиеватую, кропотливую игру – с такой серьезностью и удовольствием, что…

Да нет, не так все просто. Совсем не так просто, знаете ли.

А бессонные ночи? А размышления и раздумья, пожирающие меня?

При этом я – на земле. Я не в астрале каком-нибудь – ни разу! Я вообще – земная.

И я по-прежнему решаю все проблемы своей семьи. А их, как вы понимаете, меньше не стало.

Просто я стала относиться к ним… терпимее, что ли? Легче?

Не знаю, наверное, да.

А хлопот-то прибавилось. Я же теперь публичная личность! А это предполагает встречи в библиотеках и книжных магазинах. Интервью. Публикации. Телевидение и радиоэфиры. Статьи в журналах, комментарии в газетах. Командировки, кстати.

Расширился – ну, это понятно – и круг знакомых.

А все остальное не изменилось. Вообще! Я по-прежнему жена, дочь, мать и к тому же бабушка. Я по-прежнему отвечаю за всех.

Такая планида!

Но есть прекрасное слово «зато», чудесное слово, оправдывающее всю мою непростую жизнь.

Зато я писатель! Зато у меня есть почитатели, а не только читатели. И их замечательные слова поддержки и даже любви дают мне силы, физические и душевные. Мне пишут со всех концов света!

Зато мной гордится семья. Какую радость я доставила маме!

У меня появилась вторая семья – мое любимое издательство. Там меня всегда поддержат и поймут. А если надо – и пожалеют. Кстати, я по-прежнему работаю с моим первым редактором.

Правда же – это тоже «зато»?..

У меня счастливая писательская судьба – это не мои слова, это слова главного редактора.

О чем они? О том, что мои опусы доходят до читателя и иногда цепляют и трогают его. Помогают ему. Я знаю об этом, поверьте!

Зато у меня замечательная невестка, чудесный сын, верный муж и жива моя мама. А какой у меня внучок! Моя копия, представляете? Вот как бывает…

И – кстати! Я зарабатываю деньги. Впервые в жизни это делаю

я.

Чем не еще одно «зато»?

Зато я ощущаю себя… состоявшимся человеком.

Простите мою нескромность. У меня есть дело. Любимое, хоть и нелегкое. Много отнимающее, но и дающее, безусловно, неизмеримо больше. Ощущение себя, например. И это вовсе не значит, что я загордилась! Просто… я стала относиться к себе с уважением.

Разве этого мало? Для меня, например, вполне достаточно.

Я, безусловно, трезво оцениваю себя и не стремлюсь попасть в «эпохальщики» – это было бы просто смешно! Но если… кому-нибудь, когда-нибудь, чем-нибудь я помогла…

А я-то знаю, что помогла! То это значит…

Ну, всем понятно, что это значит!

И еще про судьбу и случай – вот если б я тогда струхнула? Банально испугалась, что не сдюжу, не потяну? Не успею к сроку. Что жарко, что пахнет дымом, что мало времени и вообще…

Если бы я тогда отказалась от шанса? Не взяла бы, как говорят?

Страшно подумать.

Нет, жила бы, конечно. Как-то жила бы…

Но – как?

Ведь самое главное в этой почти невероятной истории – что я обрела себя. При всех прочих приятностях.

Так вот сложилось.

Поэтому – призываю. Имею на это право, поверьте! Не сгоряча – подумать всегда есть смысл, – вступайте в схватку. Не бойтесь поражения. Ведь, в конце концов, если нас победят, то это тоже нормально. А уж если победим мы…

Ведь схватка с самим собой – наверное, самое трудное в жизни. А если ты верхом на коне и даже с поднятым знаменем?

То – честь и хвала. И рок еще сто раз подумает, стоит ли с тобой связываться? Хотя бы по мелочам…

Которые, кстати, особенно утомляют.

И тут еще вспомнилось вот что – подруга, жалея меня, утешала: ну как-то худо-бедно все поправится. Исправится как-то. Жизнь, она ведь как – пожмет-пожмет хорошего человека, ну и отпустит. Или так – Бог закрывает дверь, но приоткрывает окно.

А я так горячо все отрицала! Почему-то в справедливость убытка мне верилось гораздо сильнее.

Что вообще может поменяться в лучшую сторону? Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете?

Да и к тому же – в чудеса и всякую там прочую ерунду вроде

«счастливой случайности», чего-то «на роду написанного», обычно верится только в первой половине жизни. А я была определенно уже во второй.

Но, как говорила кэрролловская Алиса, чем дальше – тем все чудесатее и чудесатее!..

И у меня нет оснований ей не верить.